

ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ ИННОВАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Проблема технологического представления философских инноваций в современном образовательном процессе может быть раскрыта в двух планах. Во-первых, как способы мировоззренческого обоснования нововведений в современном образовании вообще. Во-вторых, и это представляется более плодотворным, – как возможность технологически-инновационного рассмотрения, как философии, так и ее преподавания. Такой взгляд, при всей громоздкости формулировки, сопрягает такие концепты, и в такой смысловой комплекс, что невозможно обойтись поверхностным, скользящим рассмотрением. Пересечение понятий «философия», «образование», «технология» и «инновации» находится где-то на очень глубоком уровне содержания каждого из них. И без достижения этого уровня невозможно нащупать их общую ткань.

Технологическое видение любой проблемы весьма полезно хотя бы тем, что в этом случае возникают вполне конкретные вопросы: что именно, каким образом, где, когда, кто... Особенно уместным представляется «технологический» подход к философии. В этом случае как-то сами собой возникают вопросы о природе философии, понимании ее сущности и форм социального проявления этой сущности, репродукции и трансляции – вплоть до ее востребованности.

Философия как технология

На первый взгляд, технологический подход к философии выглядит странно и даже неуместно. Какая может быть технология у мировоззрения и миропонимания? Более того, философия – феномен европейской культуры, результат «встречи Иерусалима и Афин» – иудео-христианского монотеизма с греческим рационализмом, выражающийся в рациональной рефлексии осмысления мира в его целостности, места человека в этой целостности. Восточные культуры собственно философии не знали. Даосизм, йога, буддизм и проч., прежде всего – духовный опыт, обретаемый в результате конкретных практик, в том числе телесных. Вот где уместен реальный и конкретный технологический подход!

Между тем, философия, и именно в своей европейской традиции, всерьез и по большому счету — не что иное, как технология. Со времен античных софистов и Сократа она предстает именно как технология рационального, ориентированного на публичное позиционирование способа осмысления действительности, общества, человека и его места в этом мире и обществе. Что, как не технология, — ирония и майевтика Сократа, учение о методе Декарта, феноменология Гуссерля, деконструкция Дерриды?

При этом важно помнить, что живая философская мысль возникает и живет отнюдь не исключительно на кафедрах вузов и в тиши академических кабинетов. Не секрет, что в отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Характерно, что такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.А. Любищев, Б.Ф. Поршнев, С.С. Хоружий, В.Б. Шкловский — не профессиональные философы, хотя и являются таковыми по самому «гамбургскому счету». Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов.

Такая тенденция характерна для российской философской культуры вообще. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры — П.Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский, П. Савицкий и др. — не были философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В. Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой?

Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии оказывается философская канонизация нефилософского философствования. Психологи Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев оказали решающее влияние на формирование деятельностного подхода в отечественной философии. Ныне живущие в Германии, но с очевидностью яркие русские мыслители Б.Е. Гройс и И.С. Смирнов — изначально матлингвист и филолог соответственно. По словам студен-

тов и выпускников философского факультета Санкт-Петербургского госуниверситета последних лет, их самое яркое философское впечатление за время учебы — спецкурс Н.А. Шанина, одного из создателей конструктивистской школы оснований математики.

Но эта же тенденция характерна и для мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь не профессиональные философы и сама эта динамика зачастую реализовалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой. Ф. Бэкон, позитивизм, З. Фрейд, Ж. Деррида — только первые пришедшие на ум фигуры и направления. А. Эйнштейн и Н. Бор, А. Пуанкаре и В. Гейзенберг — яркие, ключевые фигуры в философской мысли XX столетия, их интуиции дали богатую пищу для ума не одного поколения профессиональных философов. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс развития из-за пределов собственно философской культуры.

Таким образом, есть живое философствование, и есть академическая философия. Есть собственно философы — те, кто философствует, и есть преподаватели философии, делящиеся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое, а реализовываться оно — философствование — может где угодно, в каком угодно жизненном материале, а отнюдь не только в учебных аудиториях или на профессиональных философских конференциях¹.

Философствование реализуется практически во всех сферах жизнедеятельности. Но как тогда отличить его от чего-то иного? Существует ли какая-то специфически философская тематика осмысления, форма мышления, язык, поступки, образ жизни?

В этой связи представляется плодотворным и оправданным взять за точку отсчета «технологическое» представление о философии как о том, чем занимаются философы, а точнее — философствующие, люди, идентифицирующие себя как философы. Философия предстает не как вид знания, а как социально организованная и социально значимая деятельность. Она может иметь свои цели и ценности (предмет деятельности) и

реализуется по определенным правилам как любая нормативно-ценностная система культуры со своей системой формальной и неформальной коммуникации, выдвижением лидеров, вербовкой и подготовкой учеников и т.д.²

Точнее говоря, с таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, подобных «семействам языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них, но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры, если только понятие целостности применимо к универсуму вообще, к полноте мира и жизни человека. Действительно, философия — универсальное, предельное, если не запредельное осмысление. Выражается это в характере ее традиционных вопросов. Будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия — как осмысление мира, человека и его места в мире — связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов: Какова природа действительности? Что представляет собой реальность самой реальности? Что такое человек? Что происходит в момент смерти? Почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? В чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный

мир. И человек — как конечное существо — всегда делает это с какой-то точки зрения, с какой-то позиции, в каком-то смысле. Из этого следует, что философия в принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле *science*. И это несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления. В своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего». Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание — таков «социальный заказ». Всякая философия, так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование, как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколь бы ни стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» — как говорил М.М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Ф.М. Достоевский говорил, что «ум — подлец, потому как виляет» — ищет и находит объяс-

нения и оправдания происходящему. В этом плане философский ум — самый «подлый», так как по самой своей природе занят объяснениями и оправданиями мира в целом, фактически — чего угодно. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

Но тогда — как реализуется технология философствования? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном — идеал, к которому стремится практически каждое учение. Достижим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в поговорках — пословицах, поговорках, инвективах и т.п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе — на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанского»; «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т.п. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В.В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается

целостность «паремиологического» философствования? Его «противоречивая полнота» есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой «паремиологического» философствования являются дневниковые записи³.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, К. Вольфа. Различия — в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и

несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т.д.) — способен многое сказать о способе и стиле философствования.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, в поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму.

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованы претензии какого-то одного способа философ-

ствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения концептуальное разнообразие его технологий?!

Философия и инновации

Философия не только технологична, но и инновационна по самой своей природе. Во-первых, и прежде всего, она инновационна в том смысле, что необходимость в философствовании возникает в кризисной ситуации, в ситуации смыслового сдвига, поиска новых оснований. Это относится не только к отдельно взятой личности, но и к социуму, к конкретным научным дисциплинам, к художественному творчеству. Например, философские проблемы математики, естествознания, социологии и т.п. возникают, когда установившиеся парадигмы, дисциплинарные матрицы сталкиваются с противоречиями, когда необходим поиск новых оснований, выводящий в лиминальную фазу.

Ситуация та же, что и со смыслом жизни. В самой жизни смысла нет, но есть проблема смысла жизни, возникающая в кризисной, «пограничной ситуации»: утраты близкого человека, личностной трагедии, профессионального краха, неизлечимого диагноза, когда жизнь ломает человека через колено и он начинает задумываться — зачем жить дальше. Невозможно, да и незачем думать постоянно о смысле жизни. Наоборот, если человек задумался о нем — это верный признак того, что что-то серьезное в его жизни проблематично для него самого.

То же самое можно сказать и об обществе в целом. Интерес к философии, особо активный спрос на нее возникает в общественном сознании на изломе, «в трансфере», в эпоху радикальных перемен, когда утрачивается привычное, в чем-то уютное понимание действительности. Достаточно вспомнить отечественные: конец 1980-х — начало 1990-х, когда плодились философские клубы, семинары, публичные дискуссии, собиравшие сотни людей.

Философия инновационна тем, что открывает новые горизонты осмысления. Она не столько дает некое знание, сколько открывает новый путь к новому знанию. Она инновационна, поскольку формулирует новый метод осмысления, как инновационно было не только Декартово учение о методе или ана-

лиз языка, предложенный Л. Витгенштейном, но и любой серьезный мыслитель — не только в критике предшественников и в новой постановке (иногда традиционных) проблем, в формулировке нового языка, в описании и осмыслении действительности — объективной и субъективной.

Три последних столетия завершались беспощадной критикой философии (И. Кант, Ф. Ницше, Ж. Деррида). Каждый последующий начинался открытием новых методов и новых перспектив философии (Г.В.Ф. Гегель, Э. Гуссерль...). Думается, что и XXI век вряд ли станет исключением. Задача философии — не просто анализировать, осмыслять, но и расширять концептуальный аппарат, существующий язык, синтезируя новые слова и понятия. Творчество мыслителя всегда стремится принять форму новых слов, открывающих новые предметные и смысловые значения, конструируя новый мир, переформируя старый, творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. Каждый оригинальный мыслитель вводит такие семантические поля с помощью новых слов или наполняя новым смыслом старые. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» И. Канта, «диалектика» и «снятие» Г.В.Ф. Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ф. Ницше, «интенциональность» Э. Гуссерля, «Dasein» М. Хайдеггера, «différance» Ж. Деррида... — в таких терминах интегрируется новая система мышления, конденсируя радикальный инновационный сдвиг в понимании⁴.

Инновационна философия и в силу отмеченного выше ее принципиально личностного характера. Наконец, философствование — это всегда «технология» приспособления мира с целью придания собственному существованию осмысленного характера, в конечном счете — оправдания собственного бытия. Она всегда — презентация личности, ее самопознания и самоопределения. И, как, например, показала реализация первой части моего проекта «Опыт персонологической систематизации», такая попытка рефлексии над собственным обыденным опытом и презентация такой рефлексии не всегда оказываются приятными для современников, вызывая определенный нравственный дискомфорт⁵.

Успешная концептуальная инновация в философии зачатую предполагает буквальную инновационность в плане технологии продвижения новых идей. Это связано с созданием устойчивого сообщества единомышленников, с привлечением

общественного внимания, иногда с судьбой философа, с эпатажностью поведения его самого и учеников. Фактически речь идет о чаще бессознательном, стихийном, а иногда и рассчитанном использовании технологий маркетинга и PR.

Инновационность философского образования

Инновации инновациям рознь. Инновация всегда соотносится с конкретным опытом. Для кого-то это новое, а для кого-то уже ставшая рутиной обыденность. Например, что может быть инновационного в образовании, задача которого дать жизненную и профессиональную компетентность, способность решать соответствующие задачи, научить и вышколить, научить воспроизводить уже кем-то освоенное. Однако для ученика, студента это усвоение всегда и каждый раз инновационно, потому что его жизненная и личностная компетентность переживает вызов, испытание способности освоить нечто новое, непривычное — для данной личности. Вне такой социальной репродуктивности в сочетании с личностной инновационностью образование просто невозможно.

Более того, есть разные виды инновационности — в зависимости от степени «новизны». Так, научить творчеству, открытию принципиально нового — невозможно. Природа этого дара или проклятия неясна и непонятна. Творчество и гениальность — не от технического мастерства и даже не от способности воплотить замысел. Это результат некоего откровения, когда личности открывается новая гармония целостности мира, а ему только остается как-то выразить эту гармонию — в красках, нотах, математических формулах, собственных поступках...

Но есть новизна другого уровня. Не говорите, что я не создал ничего нового, если я иначе скомпоновал хорошо известное старое, писал Паскаль. Новое, «креативное» решение предполагает выявление нового контекста осмысления. В.Б. Шкловский называл эту «технологию» остранением: представлением хорошо известного странным, необычным. Есть специальные приемы такого остранения, которым можно и необходимо учить. Это важно при решении математических задач⁶, в художественном и научном творчестве⁷, в социальных технологиях⁸.

Что до преподавания философии, то здесь нет пределов инновационности. Некоторые преподаватели логики на философском факультете дают практические задания по теме «Оп-

ределение» в форме кроссвордов. Финский философ и логик Э. Сааринен взял в руки гитару, записал несколько дисков песен и использует их на лекциях и семинарах, а то и поет вживую на занятиях...

Дело не в форме. Например, много копий сломано вокруг тестов по философии. Тесты, как средство контроля и самоконтроля, важны и полезны, особенно в нормативных дисциплинах, потому что тестирование предполагает наличие правильного ответа, знание которого предполагается и у успешного ученика. Более того, составление программы теста предполагает нормативность знания у составителя этого теста.

Для философии же характерно не столько знание ответов, сколько постановка вопросов, потому что она — как технология (!) — есть постоянный выход за рамки нормативного, трансцендирование за его пределы.

С этим даже связана определенная парадоксальность философского образования. Любое образование по самой своей сути консервативно, ориентировано на репродукцию готовых стандартов знаний, умений, навыков. Оно «упаковывает» смыслы в некие готовые продукты, которые необходимо усвоить с помощью не менее стандартных процедур. А отсюда и своего рода инновационность в образовании — особая эвристичность шлифовки и подачи знания как готового продукта. Но если образование «упаковывает» смыслы, то сама суть философии в том, что она смыслы «распаковывает», выявляя новые и новые смысловые связи и отношения, раздвигая в этом «инновационном» процессе горизонты осмысления.

Поэтому, как представляется, главный вопрос в «технологии философских инноваций в современном образовательном процессе» — это не столько вопрос о том, «как» преподавать (и уж точно — не вопрос о каких-то нетривиальных приемах преподавания), сколько вопрос о «где» и «когда» преподавать философию.

По моему глубокому убеждению, преподавать философию (студентам нефилософских специальностей) в вузе не только бессмысленно, но и вредно. Ее место — в средней школе, когда подростки 13 — 15 лет живейшим образом впитывают «мудрые мысли», впервые и серьезно задумываются о смысле жизни. Не случайно специалисты по девиантному поведению давно зафиксировали статистически значимую суицидоопасность этого возраста. Вот тут-то как раз и нужен ответ на экзистенци-

альный запрос, но не в виде усвоения готовых мировоззренческих формул, а в виде честной постановки вопросов и, по мере возможности, с опытом ответов на них человеческой духовной истории. Иначе говоря, в виде живого философствования, очень важного именно в этом возрасте и очень уместного для самой философии хотя бы в силу ее отмечавшегося выше неизбежно личностного начала.

Такие попытки предпринимались и предпринимаются, и неоднократно. В США уже много лет реализуется школьная программа «Босоногий Сократ»⁹. Инициативной группой питерских философов (С.С. Гусев, В.А. Карпунин, Б.И. Липский, Е.М. Сергейчик, Г.Л. Тульчинский, Б.И. Федоров) был подготовлен учебник по философии для средней школы, и на его основе — учебно-методический комплекс, включающий хрестоматию, учебную программу, методические рекомендации¹⁰. При этом хрестоматия содержит не только фрагменты «профессиональных» философских текстов, но и притчи, фрагменты текстов из художественной классики, писем... Реализация проекта в ряде школ Санкт-Петербурга вызвала живейший интерес преподавателей обществоведения, но не нашла поддержки органов государственного управления народным образованием.

Между тем философский компонент в гуманитарном образовании важен именно для школьников, когда закладываются основы осознания себя свободной и ответственной личностью, занимающей свое место в обществе и государстве, обладающей собственной ценностью и значимостью. И познание человеком самого себя отнюдь не является далеким от жизни абстрактным теоретизированием, напротив, оно выражает практический подход к жизни, способствующий не только утверждению сложившейся в современном обществе системы ценностных ориентиров, но и обретению некоторых навыков самостоятельного осмысления важнейших жизненных вопросов.

Делать это в вузе, в возрасте «бури и натиска» освоения профессии, решения предельно практических вопросов личностного и профессионального самоутверждения, уже поздно. Поэтому преподавание философии в этом возрасте большей частью студентов воспринимается как отвлеченное теоретизирование на каком-то птичьем языке, странная дисциплина, по которой нужно почему-то сдавать экзамены, а после сдачи — поскорее забыть. Ничего, кроме дискредитации философии, это не вызывает. Наверное, такой подход был «оправдан» в ус-

ловиях идеологического нормативизма, когда «марксистско-ленинская философия» выступала транслятором конкретной идеологии, а то и откровенного программирования личности. И понятно, что от такой инерции, прежде всего, в организации учебного процесса, при наличии кафедр, штатных преподавателей, отойти трудно. Однако явочным порядком процесс перепрофилирования философских кафедр в технических вузах уже идет и идет активно. Где-то они становятся выпускающими по специальности «связи с общественностью», где-то — по конфликтологии... Более обоснованной представляется их специализация на методологии профессиональных дисциплин, базовых для вуза, а также на политической философии.

Но в обоих случаях — школы и вуза — необходимо учитывать «инновационную» особенность нашего времени. В силу ряда общецивилизационных факторов (формирование массового общества, переход от статусного к ролевому позиционированию личности, смещение акцента с сущего и должного на возможное, достижения медицины и генной инженерии, информационные технологии, превращение маркетинга в универсальную технологию социально-культурных нововведений и т.п.) активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже как серия проектов, автором которых выступает сама личность. В этой связи чрезвычайно важной становится и роль образования, которое не может ограничиваться только передачей совокупности дисциплинарных знаний и обучением стандартным навыкам. Оно должно не только учить элементам такого самоопределения и самопозиционирования личности, но и выступать площадкой реализации и продвижения личностных проектов.

Так что главная технология философской инновационности в образовании в наши дни видится именно в смещении сферы повышенного внимания на среднюю школу. И тогда возникает главный «инновационный» вопрос — «кто?». Готово ли философское профессиональное сообщество к такому развороту? Готово ли оно сменить технологию проявления своего профессионализма — к переходу от искусства самодовольного, но не востребованного обществом теоретизирования к искусству разговора всерьез с теми, кто ждет искреннего разговора по существу?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Тульчинский Г.Л.* К живому философствованию // *Философская и социологическая мысль*. 1991. № 3. — С.123 — 128. См. также: *Энергия понимания*. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — С. 199 — 205.
- ² См.: *Тульчинский Г.Л.* Идеи: источники, динамика и логическое содержание // *История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. (Философский век. Альманах. 17)* — СПб.: Центр истории идей, 2001. — С. 28 — 58.
- ³ О скриптизации бытия см. тематический номер журнала «Философские науки» (2008, № 8).
- ⁴ Подробнее см.: *Проективный философский словарь. Новые термины и понятия*. — СПб.: Алетейя, 2003.
- ⁵ См.: *Тульчинский Г.Л.* Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. — СПб.: Алетейя, 2007.
- ⁶ См.: *Пойя Д.* Как решать задачу. — М.: Учпедгиз, 1959.
- ⁷ *Родари Дж.* Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. — М.: Прогресс, 1978.
- ⁸ *Грин Э.* Креативность в паблик рилейшнз. — СПб.: ИД «Нева», 2003.
- ⁹ См.: *Юлина Н.С.* Философия для детей. — М.: Канон+, 2005.
- ¹⁰ См.: *Начала философии. Кн. 1. Учебник для старших классов общеобразовательных школ*. — СПб.: Ивана Федорова, 2001. — 304 с.; *Начала философии. Кн. 2. Методическое пособие. Программа и методические рекомендации*. — СПб.: Ивана Федорова, 2001. — 176 с.; *Начала философии. Кн.3. Хрестоматия (для учащихся средней школы)*. — СПб.: Иван Федоров, 2001. — 352 с.